

**«...Экономна мудрость бытия:
все новое в ней шьется из старья»¹,
или Ренессанс потемкинского строительства**

Рецензия на книгу: *Allina-Pisano J. The Post-Soviet Potemkin Village. Politics and Property Rights in the Black Earth. Cambridge University Press, 2008. P. 215.*

Книга Джессики Аллины-Пизано, как заявлено в Предисловии, — попытка суммировать результаты девятилетней кропотливой полевой работы в сельских и городских поселениях пяти стран — США, России, Украины, Мозамбика и Канады (сразу возникают сомнения в принципиальной возможности полноценного рассказа о столь масштабном исследовании на двухстах страницах, но автор сфокусировался на нескольких важных моментах, рассматривая две страны — Россию и Украину) и ответить на вопрос, почему создание института частной собственности иногда приводит к столь плачевным результатам, как массовое обнищание населения. Замысел проекта возник еще в 1991 г. в путешествиях по России, и, конечно, нельзя не уважать такую исследовательскую и человеческую убежденность в необходимости «через истории жизни сельских жителей понять, с какими вызовами времени они столкнулись в конце двадцатого века». В ней нет пафоса всепонимающего всезнайки — автор только «надеется, что правильно понял своих информантов, и если так, то они смогут опознать в книге часть собственной истории». Автор подчеркивает, что монография отражает именно мнения сельских жителей: «социальные ученые пока не занимаются измерением искренности», поэтому ставилась задача не выведения информантов на чистую воду, а сопоставления, контекстуализации их оценок своей жизни и окружающей действительности объективными социально-экономическими процессами на муниципальном и региональном уровне.

Поскольку книга на английском языке малодоступна многим российским читателям, придадим рецензии реферативный характер, тезисно изложив основные идеи работы, следуя логике ее деления на разделы. Первая часть монографии — Введение — выступает

¹ *Фофанов К.* Дума в Царском Селе // <http://www.klassika.ru/stihi/fofanov/s-prirodou-iskusstvo.html>.

в роли ее полноценного содержательного блока, а не формального элемента, имея собственное название «Земельная реформа в посткоммунистической Европе», разбивку по пунктам и по объему не уступая главам. Здесь изложены базовые тематика текста (парадоксальность отношений собственности на постсоветском пространстве; возможные причинные объяснения возникновения «потемкинского варианта прав собственности»; роль временного фактора в реализации реформ — «шоковая терапия» или «постепенный ход институциональных изменений» и т.д.); цели проведенной исследовательской работы и методические подходы, выбранные для их достижения (прежде всего, «работа на земле»); обоснование используемой в названии книги метафоры: потемкинским строительством автор обозначает ситуацию, когда сельские поселения, т.е. местные власти, на бумаге убеждали столичных руководителей в лояльности и полноценной реализации либеральных реформ (например, в появлении миллионов новых земельных собственников), тогда как в действительности простые сельские труженики утратили возможность извлечения прибыли из официально якобы полученной в частное владение земли (практически единственная возможность распоряжения паем — сдача его в аренду за символическую плату, зачастую в натуральном эквиваленте).

Соответственно постсоветская земельная реформа оказалась «косметической», «иллюзорной»: право частной собственности на землю существует только и исключительно де-юре — закреплено в законах, бюрократических отписках и экономической статистике (с этим полностью согласны сельские информанты). И дело не в формате властных институций, скорости и радикальности реформирования или «хорошести» законов — для понимания итогов приватизации важны «местные ответы на экономические инициативы сверху» и практическое применение законодательства, т.е. «неформальные практики, меняющие суть и форму политических и экономических реформ» при «передаче» таковых из центра (формальных институций) на периферию, где «неформальные режимы не могли не быть частью официальных структур». Иными словами, де-юре с частной собственностью на землю в России и Украине все хорошо, а де-факто — наоборот, плохо: вспоминая известную сказку, мы вроде бы читаем чудесную программу королевского выезда в свет, издали видим богато украшенный и веселый королевский кортеж, но если присмотреться повнимательнее, подойти к кортежу поближе, окажется, что король-то голый, босый, голодный, грустный, старый, бездетный, одинокий и, наверное, с горя еще и пьяный (если суммировать

расхожие публицистические характеристики нынешнего сельского жителя).

В первой главе «Состояние полураспада» рассмотрены те экономические и политические процессы, которые начались в Черноземье до распада Советского Союза и предопределили местную специфику приватизации. Прежде всего, речь идет о дефиците материальных ресурсов и кадровом голоде, возникших в результате развала производственно-технической и социальной инфраструктуры села, особенно сетей распределения и продажи сельхозпродукции, что обусловило к концу 1980-х гг. ситуацию «товары есть — продать невозможно». Усугублял и без того бедственное положение дел диспаритет цен на сельскохозяйственную (ее стоимость зачастую не компенсировала даже затрат на производство) и продукцию других отраслей экономики, что практически исключало возможность получения прибыли в аграрном секторе.

Автор не просто приводит данные проблемы как факторы, объясняющие многие негативные явления 1990-х гг., иллюстрируя их цитатами из интервью с сельскими предпринимателями, статистическими данными и выдержками из релевантных библиографических источников, но и рассматривает стратегии и тактики адаптации крестьян к таковым на фоне институционализации «невидимой руки рыночной кооперации» и «распада прежних структур управления». «На федеральном уровне центробежные политические процессы отбрасывали прежнюю советскую периферию подальше от Москвы на ее собственные орбиты, наделяя местные власти значительной автономией. Ослабление административно-командной цепи определило де-факто полную свободу властей на местах... Отсутствие транспортных связей и высокие цены на топливо изолировали сельских жителей от городов — возникшие в селах центростремительные процессы помогли местным элитам собраться с силами и заполнить вакуум отсутствия власти». Хотели они того (в случае участия в избирательных кампаниях) или нет (если не обладали необходимыми ресурсами), но на плечи директоров колхозов и местных чиновников упал груз ответственности за социальную поддержку и развитие села: официальная занятость селян в бывшем колхозе гарантировала им возможности вести ЛПХ, решать жилищные вопросы, проблемы обучения детей, получения медицинской и финансовой помощи, т.е. экономический кризис и политическая неопределенность вынудили колхозы «выполнить важную социальную функцию — они обеспечили выживание и стабильность сельских сообществ... став как бы карликовыми социальными государствами...».

Следующие пять глав книги призваны объяснить, как и почему только фасад, видимость, а не реальные права собственности были сформированы и институционализированы на постсоветских сельских территориях. Реализована предельно простая модель: местные чиновники ограничивали распределение земли через неформальные каналы; нормативы оплаты труда в бывших колхозах не вызывали у крестьян желания получать землю в собственность и становиться фермерами; законодательство не способствовало ни развитию производства, ни возникновению класса собственников земли. Официальные права не имели под собой реальной основы, что создало опасную ситуацию: было сделано все для возникновения безземельного крестьянства и ничего для улучшения качества жизни на селе. Новые сельские бедняки имеют документы, подтверждающие их право собственности на непонятно какие земельные паи, которые они сдают в аренду или продают за символические суммы, как только появляется сильный или крупный бизнес, постепенно превращаясь из «номинальных владельцев земли в наемных работников с неопределенной заработной платой».

Вторая глава «Сохранение коллективных хозяйств» показывает, как в начале и середине 1990-х гг. колхозы стали адаптироваться к новым рыночным условиям и выбираться из сетей государственного контроля, но логика и практика экономической и юридической реорганизации «вернула государство в деревню»: «по отчетам чиновников Черноземье следовало букве закона, на деле же местные и региональные власти делали все, чтобы сохранить колхозы, предотвратив выход из них работников с земельными паями». Местное начальство было не против экономической либерализации и рынка вообще, а категорически против индивидуализации прав собственности, которая в официальной риторике называлась «панацеей для экономики, государства и села», способной превратить крестьян в класс независимых, ответственных и эффективных предпринимателей, но ему представлялась бедствием, которое только усугубит сельскую бедность, подорвет основы его власти и устои социального порядка: «...фермерство имеет большое будущее, но нас кормят колхозы».

В аграрные реформы изначально были заложены опасные противоречия: закон призывал к формированию института частной собственности и разделу колхозных земель, но допускал и способствовал сохранению коллективных хозяйств, не введя механизма контроля за их реорганизацией. Этими противоречиями воспользовались местные чиновники, выступавшие против приватизации земли, исходя из «прагматичных соображений и норм

советской культуры»: многие искренне считали раздел земли, т.е. разрушение колхозов как экономической и социальной основы «коллективного метода жизни», потенциально опасным для аграрного производства и сельского сообщества, хотя не забывали и об экономической выгоде, учитывали собственный профессиональный опыт и задумывались о своей дальнейшей судьбе и реализации личных амбиций. Способы сохранения контроля над работниками, землей и другими активами колхозов были различны: манипуляции со списками пайщиков; невыдача сертификатов, подтверждающих права собственности на землю, или их обманные обмены; отсрочки картографирования земельных участков (пайщики не знали, где находится их земля, и не могли сдать ее в аренду); запугивания дележом не только земли, но и долгов предприятий, а также приходом варягов вместо таких родных директоров колхозов и т.д. Однако необходимо понимать, что весьма незначительная часть крестьян стремилась выйти из колхозов со своими паями: в отдаленных регионах колхоз был единственным работодателем и гарантом социальных услуг; сельские жители не имели техники и ресурсов для развития собственного хозяйства, не могли получить необходимые для их покупки кредиты; бумажно-чиновничья волокита в отдаленных городских поселениях, куда надо было еще как-то добраться и не единожды, крайне затрудняла документальное закрепление своих прав и в целом демотивировала на совершение подобных гражданских подвигов.

Третья глава книги повествует о «Социальных корнях постсоветского фермера», сумевшего преодолеть как противодействие директоров колхозов и местных чиновников развитию частной инициативы на прежде колхозных землях, так и зависть сельского населения, т.е. «общую незаинтересованность в появлении фермеров... многие хотели взять землю, но только попробуй — это просто настоящий кошмар». Автор выделяет два типа фермеров: 1) выходцы из чиновничьей и колхозной элиты, в основном мужчины — директора, главные агрономы, инженеры, ветеринары, машинисты, представители региональной власти на местах, военные и милицейские чины в отставке; 2) сельские маргиналы — представители этнических меньшинств, иммигранты из республик СССР, бывшие горожане, одинокие женщины среднего возраста, колхозники, выполнявшие самую низкооплачиваемую работу. И те, и другие прекрасно понимали, что «практически невозможно получить землю нормальным путем»: первые обладали социальным капиталом, помогавшим обрести доступ к земле и инфраструктуре, необходимой для ведения фермерского хозяйства; вторым

просто нечего было терять, и своего они добивались либо фантастическим упорством, либо в результате ошибочной уверенности чиновников и директоров колхозов, что подобные маргиналы не долго продержатся и не смогут конкурировать с крупным бизнесом (потому спокойно предоставляли им небольшие земельные паи). Средства массовой информации изображали фермеров как почти «инопланетных чужих» (по причине их этнической принадлежности, кардинальных отличий трудовых норм от позднесоветских и иных черт, выделяющих их из привычной и узнаваемой картины социального мира) или эксцентричных аутсайдеров и чудаков, причем последняя характеристика часто объединяла «маргинальных» и «элитарных» фермеров (посвященная одному из них статья называлась «Свиньи сделали из меня человека!»). Объективным же следствием социальной дифференциации стало углубление экономического неравенства: с одной стороны, мы видим обнищание номинально частных землевладельцев; с другой — концентрацию власти в руках сельской элиты, всячески имитировавшей структуру и содержание деятельности колхозов в ситуации, когда большая часть населения оказалась исключена из процессов перераспределения колхозной собственности.

Обозначенный в названии четвертой главы «Возврат к регулированию» подчеркивает, что приватизация земли отнюдь не означала уход государства из аграрного сектора и деполитизацию экономической деятельности в целом, как бы того ни хотелось идеологам реформ. Ровно наоборот: сознательное дистанцирование федеральной власти создало вакуумные зоны, которые поспешили экспроприировать местные элиты, введя жесткие механизмы «контроля, исключений, притеснений и изъятия собственности» у руководителей крупных хозяйств и фермеров. «На бумаге аграрные предприятия превратились в автономные архипелаги, овеваемые рыночными ветрами, поддерживаемые трудами пайщиков и опасющиеся лишь капризов природы. Фактически же местные чиновники использовали приватизацию как инструмент возврата контроля над колхозами и возрождения элементов командной экономики». Если у них не хватало для этого ресурсов, они все равно регулировали хозяйственную жизнь предприятий, например определяя набор высеиваемых культур независимо от эффективности подобных решений: некоторые коллективные предприятия банкротились, потому что у чиновников нормы «советской морали» (предотвращение разбазаривания земель) брали вверх над экономической рациональностью и находили поддержку у сельского населения. Фермеры больше преуспели в попытках «избежать ока государева», которое отвратило многих крестьян

от развития собственных хозяйств, но им требовалась поддержка региональной и федеральной власти, а местных чиновников приходилось просто «трясти, чтобы выбить не некие преференции, а положенное по закону», причем осуществить подобную «встряску» крайне сложно — «к президенту попасть легче». Сложности с оформлением прав на землю, добровольное прекращение деятельности по личным или объективным обстоятельствам, принудительное изъятие земель по надуманным причинам привели к тому, что огромные территории сельскохозяйственного назначения сегодня остаются либо бесхозными, либо заброшенными. После десяти лет приватизации «государственное вмешательство в экономику превысило позднесоветский уровень... реформа свелась к предоставлению минимальных прав пайщикам и была обкорнана местными властями так, что экономическая взаимозависимость производителей и государственных институций сохранилась». По мере продвижения земельной реформы масштабы государственного регулирования расширялись — в 2002 г. была создана законодательная основа для «рэнационализации и широкой консолидации земельных паев сильными политическими акторами».

Очевидно, что описанная ситуация не могла подкрепляться только бюрократическими препонами и личными устремлениями чиновников и крупного бизнеса — необходим был более материальный фундамент, особая «Логика финансовых выплат», представленная в пятой главе. Она предельно проста — «у честного крестьянина денег ни на землю, ни на трактор или комбайн не было». Возможности взять долгосрочный кредит без посредников под приемлемые проценты (12%, а не 32% годовых), найти инвесторов (честных и ответственных) или заработать самому (в том числе, сдавая в аренду земельный пай за достойные деньги или натуральные выплаты; зарплаты были издевательски малы и задерживались) были почти призрачными; прежние торговые цепочки были разрушены; ценовой диспаритет (литр молока стоил дешевле литра бензина и минеральной воды) не вызывал у государства желания продемонстрировать свои регулирующие и дотационные способности. В итоге большинство жителей Черноземья, особенно пожилых, были вынуждены остаться в реорганизованных колхозах, потому что иного способа как-то трудоустроиться, пусть и на копеечную зарплату, получать хоть какие-то социальные, образовательные, транспортные и медицинские услуги у них не было, впрочем, как и технических, трудовых и финансовых возможностей развивать фермерское хозяйство. «Не получая дивидендов за свой пай, люди не считали себя собственниками земли»;

те же, кто рисковал сдать землю в аренду фермерам, делали это только в случае гарантий, аналогичных прежнему колхозному и нынешнему крупхозному, социального патронажа в счет и помимо арендной платы. Закономерным итогом стала зависимость выживания всех типов хозяйств от множества неформальных механизмов взаимных обменов, обуславливающих «субнациональную интеграцию» на новых принципах взамен прежних советских: объективные экономические обстоятельства «заставляли людей все глубже вращаться в прежнюю колхозную землю».

В результате мы имеем только «Фасад», обозначенный в названии шестой главы книги, — «страну номинальных, фиктивных собственников». Эта фальшивость обусловлена тем, что земельная реформа не связала категории собственности с соответствующими правами и типами экономической деятельности: бывшие колхозы просто сменили юридический статус, будучи «бумажно» реорганизованы, в том числе для списания долгов; все формы сельскохозяйственного производства оказались симбиотически взаимосвязаны в целях выживания. В этом смысле прав К. Ханн¹, предложивший сместить аналитическую оптику с прав собственности, прописанных законодательно, на отношения собственности (что и делает автор монографии), которые на постсоветском пространстве резко отличались от прав, но диктовали правила повседневного крестьянского существования. Используя метафору потемкинской деревни, Аллина-Пизано сводит земельную реформу к простой смене вывесок: «директора и колхозы остались теми же, только зарегистрированы как частные предприятия»; «юридически права собственности есть — на деле же у мелких пайщиков их «отнимают» политические и экономические ограничения»; «советская система создавала фасад политических прав... постсоветская земельная реформа в России и Украине породила новую потемкинскую деревню, на которую с удовольствием взирают чиновники из столичных кабинетов. Фасад у нее бумажный... а за ним — пролетаризирующееся и маргинализирующееся сельское население... которому не удалось получить от приватизации никаких выгод... оно с трудом и постоянно борется за собственное выживание, работая на земле и смиренно ожидая ее нового передела или даже новой революции». Вполне предсказуемый итог всего вышесказанного приводится в Заключении — «жизнь улучшается везде, но не в деревне», где «физические страдания,

¹ The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition // Halle Studies in the Anthropology of Eurasia / C. Hann, R. Rottenburg, B. Schnepel, S. Shimada (gen. eds.) Vol. 1. LIT VERLAG Münster, 2003.

ощущение неопределенности и степень обнищания приблизились к послевоенной ситуации 1940-х гг.».

Итак, основной вывод автора по результатам многолетней полевой работы в российском и украинском Черноземье — имитационный характер¹ проведенных институциональных преобразований в аграрном секторе: радостно рапортуя об успешном реформировании, на деле местные власти старательно поддерживали сложившийся в советский период статус-кво, что было оправдано только в краткосрочной перспективе преодоления экономического кризиса и социальной поддержки села в сложный период, но не как стратегический подход. Был создан не реальный институт частной собственности, а лишь красивый фасад такового — полный постсоветский аналог потемкинских деревень, искусно маскирующий сохранение монопольного контроля над земельными ресурсами путем отъема у крестьян оставшихся у них после развала колхозов и без того скудных прав и обременения новыми ограничениями, гордо именуемыми «либеральными». Автор развенчивает множество мифов о посткоммунистических трансформациях, например, что приватизация автоматически сокращает роль государства в экономике, предоставляя большинству граждан права частных собственников, экономические и социальные свободы, снижая властные и имущественные претензии местных элит. Причем реалии (кардинальные региональные различия, неоправданные компромиссы при дележе земель, внутренние противоречия реформ и их тяжелые социальные последствия, в частности «превращение крестьян в рабов на их собственной земле»), способные как минимум разочаровать, а как максимум повергнуть в шок кабинетных апологетов рынка, частной собственности и приватизации, показаны в книге предельно иллюстративно — практически в форме зарисовок хорошего публициста, решившего написать серию очерков о российской и украинской сельской жизни. Рефрен очерков — понятие адаптации: местных властей — к требованиям центра так, чтобы не упустить собственную выгоду и сохранить устраивающее их положение дел; руководителей бывших колхозов — к выполнению законов так, чтобы отчетность радовала федеральные власти, но реально ситуация не менялась ни на йоту; фермеров — к необходимости

¹ Очень грустно, но, видимо, имитационность становится доминирующей оценкой большинства действий официальных структур на всех уровнях властной иерархии не только в аграрной сфере (см., например: *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009), но и повсеместно (см., например: *Мыслящая Россия: Интеллектуально-активная группа / под ред. В. Куренного. М., 2009).*

неформальных подходов к преодолению препон своей деятельности; крестьян — к неустойчивости, непредсказуемости и бедности собственной жизни.

В целом книгу отличает хороший слог, она легко и интересно читается благодаря массе примеров из реальной исследовательской практики (наверное, в некотором условном табеле о рангах работу следует квалифицировать скорее как публицистическую, чем научную); удивляет количеством и разносторонностью зарубежных библиографических источников, фокусирующихся на постсоциалистических трансформациях; не страдает иногда свойственным иностранной литературе снобизмом в оценке «недоразвитости» российского общества, ужасом от встречи с российским «варварством» и удивлением «как мы тут вообще жить можем». Подобные эмоции просто не возможны в столь выдержанной, уважительной и заинтересованной монографии, широко контекстуализированной глобальными экономическими процессами, статистическими данными, цитатами из транскриптов разговоров с сельскими жителями, примерами из иных стран и собственно российскими историческими аналогиями (именно отсылками, а не обличительным объяснением нынешних проблем политическими ошибками советского и царского прошлого). Наоборот, ее отличает улавливание даже своеобразной российской иронии: «что предложили — за то и проголосовали»; «дядя Ленин нам ничего плохого не сделал» (объяснение причин сохранения названия колхоза); «поделили сертификаты, а не землю»; «света нет, а вы о приватизации толкуете»; «когда я узнавал о возможности займа, они на меня смотрели, как на психа, получившего увольнительную из психушки»; «лошадь-то надежнее будет — сена заготовил и не ломаешь голову, где бензин для трактора взять»; «мы будем говорить “колхоз”, а ты записывай “товарищество”».

Вероятно, многие описанные в книге моменты будут не очень интересны или покажутся слишком простыми российскому читателю, специализирующемуся или интересующемуся состоянием аграрного сектора и жизнью сельской России, потому что они давно ему известны и неоднократно обсуждались в отечественной литературе с использованием куда более сложной междисциплинарной терминологии. Но в этом особая прелесть рецензируемой работы — она позволяет сопоставить мнение о собственной стране с впечатлениями экспертного неинсайдера (называть автора аутсайдером после стольких лет включенных наблюдений, что отличает далеко не каждого отечественного специалиста, представляется некорректным), отягощенного иным социокультурным

и исследовательским опытом, возможно, удивившись сходству своих и его оценок по принципиальным вопросам.

И, наконец, нельзя не отметить, что хорошая нероссийская особенность книги — тщательная до мелочей проработка вспомогательных относительно собственно содержания работы моментов: основной текст предваряет реестр иллюстративного аппарата и небольшой глоссарий русских слов; выражения благодарности многочисленным названным поименно коллегам и друзьям, советы, комментарии, финансовая и прочая заинтересованная поддержка которых «облегчала решение поставленных задач, помогала конкретизировать аргументацию и взглянуть на рассматриваемые проблемы в более широкой сравнительной перспективе» (не оставлены без добрых слов и информанты); уточнения особенностей транслитерации русских и украинских слов; справка об источниках информации и типах их кодировки, принципах соблюдения анонимности, технической и человеческой доступности (в российских и украинских реалиях, по сути, недоступности) статистических данных и региональной прессы, методических особенностях и угрозах полевой работы (использовались включенное наблюдение, свободные интервью, структурированные групповые беседы¹) и очень адекватная самооценка (в том числе восприятия себя окружающими людьми) как интервьюера, включенного наблюдателя и в целом «инсайдера» сельской жизни российского и украинского Черноземья. К сожалению, в российском научном дискурсе столь внимательное отношение к «контексту» собственной публикации и уважительно-благодарное к своим «источникам» пока не стало и не обнаруживает тенденции стать общепринятой практикой.

¹ Аллина-Пизано сожалеет о «горькой судьбе» задуманного анкетирования: директора колхозов категорически воспротивились проведению опроса, поскольку, по их мнению, даже простые и конкретные вопросы о величине земельного пая и наличии документов о праве собственности на землю могли «заронить в сознание работников какие-то идеи, чего делать не следует». Борьба с такой установкой она совершенно оправданно не видела смысла: в ситуации административного давления сверху, т.е. невозможности избежать опроса, директора просто саботировали процедуру — инструктировали работников о том, какие «правильные» варианты ответов они должны были отмечать. Тем не менее ей удалось провести 25 месяцев полевых наблюдений и 300 личных интервью в России и Украине.